

парад победы

500 свидетельств Победы
Издан двухтомный каталог
«Музей и война»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ центральный музей современной истории России назвал двухтомный каталог «Музей и война», приуроченный к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, своим главным издательским проектом 2020 года. Альбомы составлены в формате инвентарной книги и содержат данные более чем о 500 музейных предметах и 100 произведениях живописи и графики. Площадка «История Отечества», 6 июня, 12.00

Ружье не выстрелило

Две истории с фотографиями из семейных альбомов писателей

ПАМЯТЬ

В этом году «Бессмертный полк» 9 мая впервые прошел дистанционно — миллионы участников всероссийской акции выходили с портретами своих дедов и прадедов на балконы и размещали их на своих страницах в социальных сетях. Есть надежда, что пандемия отступит и парад победителей все-таки пройдет по главным улицам и площадям по всей стране 26 июля. На портале ГодЛитературы.РФ пятый год подряд авторы Длинного списка «Большой книги» накануне Дня Победы рассказывают истории, которые стоят за фотографиями из семейного альбома.

ТАЙНАЯ КОРОВА В ЛЕСУ

Виктор Мартинович и его прадед Емельян Мартинович:

Отслужив в Первую мировую, Амяляна (или Емельян) демобилизовался с ранением и, в силу хромоты и возраста (рожден в 1890-м), не был призван в 1941-м. Он остался дома, прятал у себя в подпечке еврея Мишарина Зайончика (наказание за это — расстрел) и растил «тайную корову» далеко в лесу, которую по очереди уходили доить то бабка, то дочка Гануля. В этой «тайной корове», кстати, есть что-то очень белорусское.

Сын Амяляна, мой дед, Андрей Емельянович, в это время служил вторым номером пулемета «Максим» на фронте.

Летом 1943 года партизанский отряд Гуляева атаковал нацистов в районе Глуска. В мою деревню пришли каратели. Они словили местного подростка Б. (фамилия называть не буду), 14 лет от роду, выстроили в ряд стариков, оставшихся в селе, и приказали юноше показать 5 человек, связанных с партизанами. Тот отказался. Не было в нашей деревне партизан. А если и были, он не мог знать: на то они и партизаны.

Тогда нацисты достали пистолет и представили к его голове. Я не знаю, как бы я поступил на месте этого хлопца. Когда тебе 14 лет, а на улице июль, — смерть может показаться вещью, которой стоит избегать любой ценой. И он — показал. Случайных лю-

Роман искусствоведа Виктора Мартиновича «Ночь» вошел в длинный список премии «Большая книга-2020».

дей. Четырех мужчин и одну женщину. Среди которых оказался мой прадед.

Всех их забрали. Моя прабабушка Раина с семьями увезенных полночи держали совет. Под утро вышли пешком в Глуск — где была комендатура. Путь неблизкий, 20 км. Придя в комендатуру, принялись доказывать, что их родные не связаны с партизанами. Они готовы были доказать это в суде. Но им ответили, что все еще вчера расстреляны.

Прабабке Раине пришлось растить детей одной. Мишарин Зайончик отблагодарил, починив хату. Какая-то женщина из Глуска (имя не сохранилось) в 1944-м, после освобождения БССР, привезла Раине свинью — «у тебя мужика расстреляли, а у меня сын и брат были в полицаях» (тут что-то про совесть).

Но это не конец, а начало истории. В 1944 году юношу Б. забрали как пособника полицая. Он отсидел в лагерях 15 лет.

Мой дед Андрей, вернувшись с войны, устроился в колхоз бухгалтером. Я помню, как, хлопнув сотку, он предлагал потрогать ямку на локте, оставленную в Кёнигсберге пулей.

За печью в нашей хате была крохотная щель, в которую любили забиваться коты. Однажды, в погоне за ними, я нашупал рукой промасленный сверток. Выудил его, развернул ветошь. Обнаружил — сначала ствол, потом — ложе, и они как-то ловко, со щелчком, соединились, и патроны были тут же, игрушечные, в картонной коробочке — и кто бы мог подумать, что такой блестящей, нестрашной штучкой кого-то можно убить.

Подоспевшая на щелчок прабабка Раина оперативно произвела попытку сборки-разборки моей головы в части прикрепления к ней уха. Она долго кричала — сначала на деда Андрея, потом на папу, в результате чего и сверток, и оружие были спешно утоплены в реке.

Когда совсем недавно я услышал конец истории прадеда Амяляна, она сразу завязалась на то, дедово ружье. «Помнишь свою детскую находку? Ту, за стенкой?» — спросил отец. «То ружье чуть не натворило делов», — продолжил отец.

В 1960 году юношу Б., из-за которого расстреляли моего прадеда, освободили из лагеря. Он остановился в соседнем селе и тайком (как ему казалось) пришел поведать

свою сестру. Как только он показался у околицы, добрые соседи оповестили моего деда: виновник смерти его отца — тут. Дед Андрей взял ружье — то самое — и пошел убивать того, кто был виновником смерти его отца. Он был хорошим стрелком, я помню холодный кругляш медали «За отвагу», который хранился в шкафу.

Свидетели рассказывают эту драму каждый раз по-разному. Обобщая... Прабабушка Раина повисла на сыне: «Ты рос без отца — хочешь, чтобы и твой сын рос без отца?». Ружье в тот вечер не выстрелило.

Дед Андрей не свершил свою справедливость. Бывший юноша Б. остался жить, дед — работать бухгалтером и растить сына. Парадоксально, но я тут на стороне прабабушки.

В истории этих трех мужчин как будто совсем нет виноватых, одни пострадавшие.

МОРЕМ ПАХНЕТ

Валерия Пустовая и ее дед Николай Пустовой:

«Здесь проживает участник войны», — написано у бабушки на двери, снаружи, чтобы не трогали. Долгая, бодрая, независимая старость в киргизском городе Джалал-Абаде, куда забросила бабушку судьба. Из года в год выезды к дочери в Москву — помогать с внучкой, то есть со мной. Потом из года в год дочь и внучка наездами к ней, в Киргизию, каждое лето.

Этого дедушка Коля, участник войны, не застал — медленного, на годы растянутого крушения женского мира, полного памятных мелочей. Из Киргизии в Москву поездом бабушка возила нам фамильные драгоценности: пуховую перину и цветной телевизор. И рассказы, в которых дедушка предстал живым, выдернутым из небытия поводом не утихнувших за годы бабушкиных обид и тревог.

Вот ей выдают его в больнице, и она везет его, думая: «Ну, будет теперь выздоравливать», — а сама так растеряна, что и покормить его дома забывает, и явившаяся при ухудшении «скорая» попрекает: зачем из больницы забрала? Вот опять он тащится на свой завод, как будто ему и на пенсию жизнь — только работа. Вот бабушка, вдруг

Дебютная книга литературного критика Валерии Пустовой «Ода Радости» вошла в длинный список премии «Большая книга-2020».

охваченная неудержимой жаждой, выпивает все выписанные ему бутылки с джалалабадской целебной минеральной водой и, оправдываясь, спрашивает: «А если бы я отравилась и умерла?» — «Я бы тебе их в гроб положил», — отвечает дедушка с вильгельмовым остроумием.

Вот он, еще во флоте, уплывает от нее на месяцы, вновь оставив беременной. Вот она говорит ему, что скоро вернется из поездки папа, и значит, так больше нельзя, пора идти в ЗАГС. Вот они встречаются на танцах в Доме офицеров флота, куда заходят вставшие на якорь в бакинском порту моряки.

Морем дедушка приплыл к бабушке, морем и воевал. Морем виделось ему потом, когда, уже с двумя детьми, из Баку попал в Среднюю Азию, где бабушка когда-то родилась. Морем чудилось в горизонте гор, обступивших курортный и изобильный тогда Джалал-Абад. Морем пугал и манил он дочку, поднося к лицу кулак, о который я однажды сильно обожглась — дед зажимал зажженную сигарету, — поднося и спрашивая: «Ну, чем пахнет?» — «Морем пахнет» — был правильный ответ. На кулаке был выбит якорь.

Дедушка, который умер, когда еще не наступили девяностые, а я едва пошла в школу, запомнился мне семейным идеалом мужчины. Правда ли так было — или бабушке, которая жила не с мифом, а с человеком, все-таки было на что обижаться? Весь он был точно дымка гор, обманчиво сходная с морем.

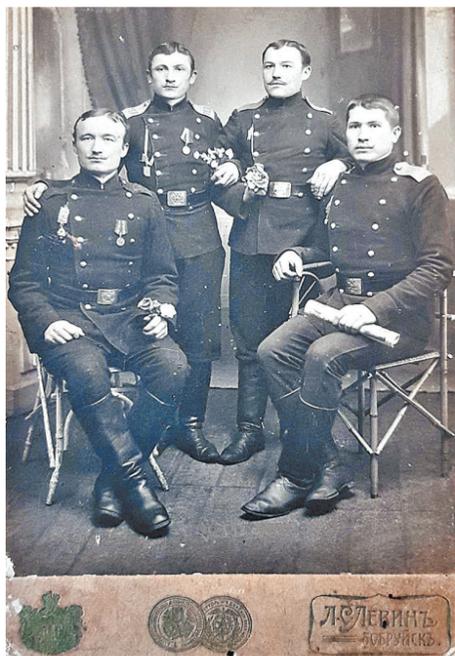
Единственный беленький брат у чернявых галок-сестер. Отломок украинской семьи, переселенной на Дальний Восток при Екатерине Второй. Крестьянский парень, возглавивший осиротевшую без мужиков бригаду сельских баб. Тракторист, переученный в радиста. «Сыночек», так его прозвали во флоте, пришел воевать добровольцем в шестнадцать лет.

А как воевал белокурый «сыночек» — радист, служивший с мая 1943-го по февраль 1950-го, мне рассказать нечего. Мама в войну еще не родилась, бабушка говорила, что не любопытна. А больше и вспоминать не с кем. Теперь уже точно — ни с кем.

Подготовили Михаил Визель, Ирина Зайцева.

Николай Пустовой. 1927, село Григорьевка Михайловского района Приморского края — 1989, г. Джалал-Абад Киргизской ССР.

Емельян Мартинович — крайний слева, с бумажными розами в руке. Фотография сделана в ателье Л.С. Левина в Бобруйске в 1911 году.